

РУССКИЙ ЯЗЫК, КОНСТИТУЦИЯ РОССИИ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПОНИМАНИЯ***В.И. Крусс**

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье поднимается проблема вербальных угроз полноценной конституционно-правовой коммуникации в цифровую эпоху. С позиций конституционного правопонимания юридический язык, как и материя права, имеет в России местом смысловой и терминологической локализации текст национальной конституции, исходя из чего должны корректироваться задачи российского правопонимания и профессионального юридического образования, совершенствоваться ресурсы правотворческой и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: русский язык, Конституция РФ; Конституционный Суд РФ; конституционализация, юридическая коммуникация, цифровая эпоха.

23 февраля 1942 г. (в праздничный «День Советской Армии») русский поэт Анна Ахматова закончила свое удивительное стихотворение «Мужество» такими словами: «Не страшно под пулями мертвыми лечь, / Не горько остаться без крова, – / И мы сохраним тебя, русская речь, / Великое русское слово. / Свободным и чистым тебя пронесем, / И внукам дадим, и от плена спасем / Навеки!»

Формат публикации не позволяет нам пояснить *удивительность* этого стиха. Ограничимся напоминанием, что написала его женщина, у которой, усилиями Советской власти, уже были «муж в могиле, сын в тюрьме», и поэт, давший, по сути, «обет» оставаться со своим народом там, где он, ее народ, «корчился» – не безвинно – «под кровавыми сапогами и под шинами чёрных марусь», в ледяном свете высоко стоящих «звёзд смерти». И когда *этой* стране открылась угроза фашистского порабощения, она призывает к всенародному подвигу не ради спасения жизни, экономики, общественного строя или политического режима, но – русского языка, русской речи. Попробуем экстраполировать идею поэтического призыва на современность, где гибридное сочетание гносеологических и социально-технологических факторов ставит перед отечественным правопониманием похожую задачу.

5 декабря 2019 г. на заседании профильного Совета при Президенте России В. Путин констатировал объявление русскому языку войны со стороны не только дисперсных «пещерных» русофобов, но и консолидированных политических «элит» ряда стран. Происходящее глава государства охарактеризовал как «прямое нарушение прав человека, в том числе права на родную речь, на культуру и историческую память»¹, что уже предполагает юридическое осмысление.

Развивая президентский посыл, ректор Санкт-Петербургского государственного университета Н. Кропачев (ученый-юрист) подчеркнул принципиальную важность смыслового единства терминов в официальных юридических документах. Проведенный экспертами его вуза мониторинг подтвердил давно и хорошо известный науке факт: *формально* выражающие российское право нормативные и правоприменительные акты (включая судебные) обременены избыточной и некорректной полисемией понятий и терминов. Судебная практика зачастую по-разному трактует такие слова, что может поставить под сомнение законность принимаемых решений. При этом, стремясь обеспечить смысловую целостность своих установлений и памятуя о принципе правовой определенности, судьи все чаще обращаются «за подсказками» к Википедии².

Последняя ремарка, по нашему наблюдению, наиболее «задела» представителей судейского сообщества, не готовых отказаться от имиджа специалистов по праву, тайну совещательной комнаты с которыми разделяют тома кодексов и словарь С.И. Ожегова. И мы не уверены, что «обиженные» вполне поняли суть обозначенной проблемы. В том числе потому,

* Статья подготовлена при технической поддержке СПС «КонсультантПлюс».

¹ URL: <https://ura.news/articles/1036279100> (дата обращения: 07.11.2019).

² URL: <https://www.mk.ru/politics/2019/11/05/putin-rasporjadilsya-uporyadochit-normy-russkogo-yazyka.html> (дата обращения: 07.11.2019).

что упреки им могут быть предъявлены сугубо в отношении юридического языка, который произведен от общегосударственного русского языка (традиционного средства межнационального общения), является его предметно-функциональной модификацией, продуктом юридино-технической обработки и имеет своим универсальным эталоном (сверх норм и правил русского языка) и местом топической локализации язык и текст Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ).

Юридические тексты – письменная форма существования официального русского языка³. В то же время конституционное правопонимание не позволяет утрировать обозначенную проблематику до степени безоговорочного отнесения неграмотно составленных и написанных судебных актов к категории необоснованных или незаконных. Конституционный Суд РФ (далее так же – Суд) последовательно проводит идею неконституционности только такого рода языковых дефектов – неопределенности, неясности, двусмысленности вербальных конструкций правовых норм, – которая не может быть преодолена на уровне ординарной судебной практики, посредством ее интерпретационных ресурсов. Тем самым утверждается недопустимость и каких-либо суждений об аутентичном смысле конституционно-правовых положений, текста Конституции РФ как языка права, кроме смысл-определяющих интерпретационных установлений самого Суда. Легитимность такого «запрета» явно не учитывают и те, кто фактически отрицает возможность конституционализации языка права, поскольку берутся указывать на «терминологические издержки» в тексте Конституции РФ и даже классифицировать их⁴.

Именно конституционная неопределенность содержания – критическая для целей обеспечения прав и свобод человека и гражданина неясность смысла правовых норм – не позволяет обеспечить их единообразное понимание и практическое применение⁵ и предполагают «снятие» при решающей роли органа российской конституционной юстиции. Смысловая ущербность иного уровня возможна, поскольку она преодолима без прямого участия Конституционного Суда РФ, и ординарные суды, руководствуясь соображениями конституционной экономии правосудных ресурсов и своею прямой обязанностью подчиняться Конституции РФ (ч. 1 ст. 120), должны делать все от них зависящее для «редакционной» правки юридических текстов, «исправляя» огрехи языка законодателя в актах правосудия (без притязаний на конституционно-правовую «экспертизу»).

Приведенные, отсылающие к конституционно-правовым установлениям доводы достаточно известны, хотя и не всегда находят признание на практике. Однако текущая ситуация осложняется интенсивным воздействием, «бомбардировкой» русского языка теми вербальными уродцами, которых спонтанно рождают реалии цифровой глобализации. Текст (преамбула) Конституции РФ и стихотворение Ахматовой начинаются одним и тем же местоимением – «Мы», и в обоих случаях выраженное в нем «всеединство» особо характеризует носителей национальной культурной традиции, людей творческих профессий, ученых и преподавателей гуманитарного профиля. Именно они в первую очередь могут и должны содействовать сохранению «свободы и чистоты» русского языка, исходя из ответственности (вновь обратимся к преамбуле Конституции РФ) «за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями» российского народа.

Ученые-филологи, впрочем, преимущественно сохраняют оптимизм, полагая, что процесс носит эволюционный характер, «великий и могучий» обладает достаточными ресурсами синергетической инфильтрации и сохранит живую корневую глубину, подобно тому, как и ранее он успешно ассимилировал иностранные слова и техницизмы. Думается, они не вполне учитывают качество экспансии и уникальность композиции деструктивных факторов: обусловившего институциональную деградацию образования нашествия «массовой культуры» и всеобъемлющей технотронной цифровизации, породившей растущие страны «диджитал

³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 16.11.2004 г. № 16-П // СПС «КонсультантПлюс» (далее – Постановление № 16-П).

⁴ См., например: Эриашвили Н.Д. Законодательная техника: учеб. пособие для студентов, обучающихся по направлению «Юриспруденция». 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2019. С. 306 – 309.

⁵ См., в частности: Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2018 г. № 32-П // СПС «КонсультантПлюс».

публики», блогеров и IT-инноваторов. Как потенциальные и действующие субъекты правоотношений и правопритязаний они вполне осознают свою принадлежность к глобальной сетевой культуре и вряд ли расположены отказаться от «блага» присущего этой культуре языка.

Распространенные суждения о корреляции богатства терминологического фонда юридического языка уровню развития правовой культуры⁶ не умаляют значения того обстоятельства, что полисемия и омонимия здесь входят в противоречие с принципиальным назначением терминов и устойчивых словосочетаний – нормативно определять актуальное множество юридически значимых явлений, их связей и свойств. Поэтому профессиональные юридические термины не могут иметь полноценных смысловых аналогов в обыденном языке, не обремененном требованиями, вытекающими из имманентной миссии права как универсального властного регулятора общественных отношений. Наряду с этим дискутируемые опасения рисков избыточной профессионализации тестов права представляются значительно менее значимыми, чем следствия экспансии в пространство юридической коммуникации бесчисленных неологизмов англосаксонского происхождения, выражающих анархо-лингвистический дух цифрового сообщества. Предположения о возможности институционального объединения юридического и IT-образования трудно оценить однозначно. Намерение же помочь судьям найти в монотонно-обновляемых словарях значения таких, например, уже вполне ожидаемых для гражданско-правовых притязаний и споров слов, как «шерь», «стримь», «сторь» и т.п., не просто бесперспективно, но и конституционно несостоятельно. Конституционная задача юрико-технического образования состоит в том, чтобы подобные слова были исключены из потенциально-правосудной коммуникации на основе консолидированного согласия всех профессиональных участников юридического диалога, предопределяющих искомую правовую определенность и обязательность практик и процедур.

Возможность обозначенного согласия дает только конституционное правопонимание, о дефиците которого мы неоднократно высказывались. Во всяком случае, российский конституционный дискурс исключает готовность отождествлять право законодательной инициативы Конституционного Суда РФ (ч. 1 ст. 104 Конституции РФ) с «действующей формой законотворческой деятельности», как и научные рекомендации субъекту конституционализации не ограничиваться указаниями на необходимость внесения изменений в несоответствующие Конституции РФ положения, но прорабатывать такие «идеи» «с соблюдением всех правил юридической техники»⁷.

Разумеется, выделенное конституционное правомочие имеет вполне самостоятельное значение, как и научный вопрос о том, почему и насколько обоснованно Конституционный Суд РФ воздерживается от пользования им. Проблема, однако, в другом: как непреложно влечет за собой критическую подмену понятий банальная позитивистская редукция отождествления права и закона – для конституционных суждений неприемлемая. В зависимости от ряда факторов указания, даваемые Судом законодателю, могут принимать форму более или менее развернутых высказываний, но в любом случае будут оставаться собственно правовыми элементами доктринально-нормативного характера, аутентичными референтами конституционного языка. Учитывая эти указания и – даже – воспроизводя их полностью или частично в своих конструкциях, законодатель, тем не менее, не застрахован от ошибок семантического и стилистического характера. Это он призван (может и должен) добросовестно стремиться к безупречно конституционной «грамотности, лексике и фонетике», но не вправе самонадеянно судить о достигнутых результатах, хотя бы и подкрепленных презумпцией их конституционности. И это ему важно постоянно совершенствоваться в юридической технике законотворчества, которая также является предметом конституционализации и совершенствуется – в актах и установлениях Конституционного Суда РФ – в статусе конституционной техники правотворчества⁸. Сам же Суд безупречно «говорит» на

⁶ См.: Эриашвили Н.Д. Указ. соч. С. 290 – 291.

⁷ См.: Фомичева О.А. Основные направления деятельности субъектов законотворческого процесса: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 26 – 30.

⁸ См. подробнее: Красс В.И. Конституционные критерии и пределы модернизации правотворческой техники // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 252 – 263.

национальном конституционном языке, отвечая на задаваемые ему вопросы о Конституции РФ и конституционной «грамотности» и актуально раскрывая смысловое пространство достоверной правовой коммуникации. Не соглашаясь с такой (для многих «неприятной») тезой конституционного правопонимания, мы отказываемся и от Конституции РФ, и от обретаемого благодаря ей права, и от самой возможности продуктивного юридического диалога даже «внутри» традиционных отраслевых локаций.

Вместе с тем укорененный в российском правоведении и правосудной практике юридический позитивизм видится меньшей преградой на пути конституционализации языка права, чем изыскания ученых-юристов, увлеченных «подсказанными» перспективами постмодернизма и постнеклассической познавательной установки. Конституционный принцип академической свободы не позволяет относиться к такой увлеченности предосудительно. Трудно, однако, отрешиться от схематичности, которая проявляется в суждениях этих авторов, поскольку они отвлекаются от преимущественно тиражированной риторики и начинают формулировать практико-ориентированные выводы и рекомендации. Стало «престижно» провозглашать право особым феноменом человеческих коммуникаций, который можно увидеть и распознать только на основе институционализированных социальных взаимодействий, с высоты легитимирующей интерпретации объективированных текстов, и «не замечать» при этом алогизма доводов, в которых многоаспектное и не существующее «как таковое» право предполагает наличие текстов, «обещающих» право и, значит, все-таки «содержащих» его в себе, а равно и необходимости присутствия того, кто подтвердит (и утвердит) правовой характер вопрошающей «интегральной целостности»⁹.

В контексте такого теоретизирования способное восстановить разрушенную (потерянную) логику слово «Конституция» объявляется «вне закона», поскольку по своему значению этот феномен приравнивается к нормативному правовому акту, пусть даже и в ранге «Основного закона». Фактически не связываются с национальной Конституцией и принадлежащие субъектам права и обязанности, генеалогия которых приобретает едва ли не конспирологический характер. Права человека, соответственно, не обретают реальность в силу глобального общечеловеческого согласия, не признаются суверенно и не гарантируются в силу суверенного акта конституирования, не являются даже объективными (непосредственно действующими), но «формируются как институциональные социальные явления в рамках рекурсивной системы правовых коммуникаций»¹⁰.

В качестве другого варианта отрицания онтологической самости (и первородства) национальной Конституции как *права* выступает постнеклассическая трансляция ее свойств и назначения на «горизонт» правопорядка, в котором находится место и «естественному» праву (как «праву естества»), и тем, кто «помогает» правовому бытию сбыться¹¹.

Наиболее далеко в направлении гносеологической деактуализации – вкуче с правом – прав человека идет, разумеется, постнеклассическая научная мысль на Западе. Так, автор эпатажного юридико-лингвистического «манифеста» Б. Мелкевик прямо ставит понятие «конституционность» в ряд проявлений редукционизма, которые позволяют выдать теорию за сущность практики или даже «права»¹². В «юридической эпистемологии» этого ученого получает открытое изложение и вопрос о «модераторах» изначально «пустой» правой коммуникации, а значит, подлинных создателях юридического языка и дискурса. Это *номинальные* юристы, профессионально оперирующие вверенными им квазюридическими текстами-инструментами, получающими соответствующее официальное значение исключительно в силу актуальных – для ценностей массовой культуры – демократических ожиданий¹³. Известно, до какой степени подобные ожидания могут быть прямо и агрессивно

⁹ См., в частности: Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: курс лекций. СПб., 2004. С. 270 – 318.

¹⁰ См.: там же.

¹¹ См.: Стомба А.В. Право и событие: экзистенциально-онтологический анализ. Российский ежегодник теории права. 2011. № 4. С. 133 – 146.

¹² См.: Мелкевик Б. Юридическая эпистемология и «уже-право» // Правоведение. 2015. № 4 (321). С. 19.

¹³ См.: Мелкевик Б. Указ. соч. с. 28 – 29 и др.

враждебными по отношению к российской культурной традиции и утверждающей ее ценность Конституции РФ.

В завершение почеркнем главное: а-конституционное единство доктринальных подходов постнеклассического толка. Предикат «правового» возникает в них самочинно, последовательно уклоняясь от – необходимых для всякой практической идентификации – смысловой «визуализации» и содержательной конкретизации. Конституционный язык права мыслим только в достоверной и легитимной, правогенерирующей – конституционной – эпистемологии. На конституционную легитимацию могут претендовать лишь такие изменения в юридическом русском языке, которые преследуют конституционно значимые цели, отображают общенародные интересы и историко-культурные реалии, без чего суверенитет России был бы не возможен (Постановление № 16-П).

Список литературы

1. Крусс В.И. Конституционные критерии и пределы модернизации правотворческой техники // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 252 – 263.
2. Мелкевик Б. Юридическая эпистемология и «уже-право» // Правоведение. 2015. № 4 (321). С. 6 – 49.
3. Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. Курс лекций. СПб., 2004. 648 с.
4. Стомба А.В. Право и событие: экзистенциально-онтологический анализ. Российский ежегодник теории права. 2011. № 4. С. 133 – 146.
5. Фомичева О.А. Основные направления деятельности субъектов законотворческого процесса: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 184 с.
6. Эриашвили Н.Д. Законодательная техника: учеб. пособие для студентов, обучающихся по направлению «Юриспруденция». 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2019. 495 с.

RUSSIAN LANGUAGE, THE CONSTITUTION OF RUSSIA AND PROBLEMS OF LEGAL UNDERSTANDING

V.I. Kruss

Tver State University

The article raises the problem of verbal threats to full constitutional and legal communication in the digital age. From the standpoint of constitutional law, the legal language, as well as the matter of law, has in Russia the place of semantic and terminological localization of the text of the national Constitution. Based on this, the tasks of Russian jurisprudence and professional legal education should be adjusted, the resources of law-making and law enforcement activities should be improved.

Keywords: *Russian language, Constitution of the Russian Federation; constitutional Court of the Russian Federation; constitutionalization, legal communication, digital era.*

Об авторе

КРУСС Владимир Иванович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории права ГОУ ВО «Тверской государственной университет» (Россия, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: t-prava@yandex.ru; т. 8-904-011-59-32.

KRUSS Vladimir – doctor of legal Sciences, professor, head of the Department of theory of law of GOU VO «Tver state University (Russia, Tver, Zheljabova st., 33), e-mail: t-prava@yandex.ru; т. 8-904-011-59-32.

Крусс В.И. Русский язык, Конституция России и проблемы правопонимания // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 4 (60). С. 137 – 144.